

Человек из вестерна

«ПАИС», МАДРИД.

«НЕПРОЩЕННЫЙ» — фильм, лейтмотивом которого проходит насилие и неприятие насилия. Картина тяготеет к кинематографу, в котором большое значение имеет власть слова и жеста, твердость человеческого характера в борьбе за жизнь, целеустремленность в условиях полного хаоса. Это лента о том, как слепому насилию тиранов противостоит дикая природа свободной личности...

— «Непрощенный» — это вестерн, отличающийся от прежних, которые вы снимали как режиссер или в которых играли. Что побудило вас вновь обратиться к этому жанру и в чем, по вашему, своеобразие фильма?

— У меня не было заранее поставленной цели, что, собственно, и обеспечило блестящий результат: я предпочитал делать дело, ничем себя не ограничивая. Почему вестерн? Думаю, это был единственный жанр, на который ложился сюжет, потому что в действительности все начиналось со сценария. Во всяком случае, я никогда не стремился сделать что-то только потому, что это было модным. По правде говоря, я даже чувствую за собой некоторую вину, так как всегда пытался идти против течения, против моды.

Если говорить об отличии этого вестерна от остальных, то, мне кажется, в нем тема жестокости разработана гораздо глубже и последовательнее, чем во всех прежних моих режиссерских работах. Раньше в моих картинах погибала тьма народа, причем иногда просто из авторского каприза. В этой же ни один акт насилия не совершается без внутренней причины, без определенных последствий. Именно этим меня и привлек сценарий.

— Вмешивались ли вы в него?

— Тема жестокости присутствовала в нем изначально, как и ее влияние на характеры героев, будь то жертвы насилия или те, кто его творит. Вооб-

ще эта тема очень важна для вестернов, которые всегда строились на жестокости.

— Можно ли утверждать, что это история мести, вендетты?

— Не знаю, хотя месть и присутствует в картине. Скорее, речь идет о правосудии... Вероятно, кто-то увидит смысл картины в торжестве мести, но, если смотреть глубже, в этой истории никто ничего не выиграл, наоборот, каждый что-то потерял, будь то частица самого себя или даже жизнь.

— Существует ли связь между нынешней политической ситуацией в Соединенных Штатах и вашей картиной?

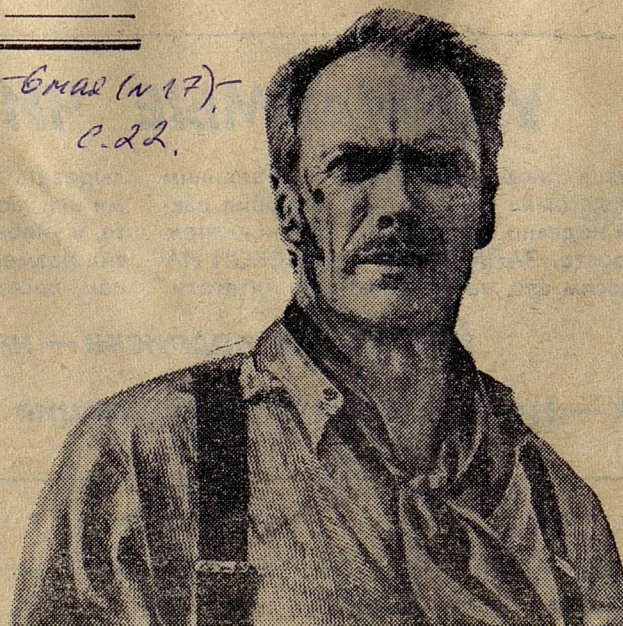
— Вероятно, могут быть проведены какие-то параллели. Но у меня не было таких намерений.

— Скажите, параллели с войной в Персидском заливе?

— Нет, я не думал о войне в Заливе больше, чем о других международных конфликтах. По правде говоря, меня скорее волнуют внутренние проблемы всеобщих Соединенных Штатов. Я склонен считать себя вольнодумцем. Мои политические симпатии не связаны ни с одним из лагерей. Я бы даже сказал, что считаю себя анархистом — в том смысле, что превыше всего ставлю индивидуальную свободу личности.

— Правда ли, что «Непрощенный» — последний фильм, снятый режиссером Клинтом Иствудом, и что отныне вы будете только сниматься у других режиссеров?

— Я начал ставить фильмы в 70-х годах. И тогда единственным для меня способом воплощения режиссерского замысла было играть самому. В

Клинт Иствуд.

ту пору так было практичнее, потому я вошел во вкус. Но сейчас полагаю, что не стоит заниматься этим постоянно. Выступать одновременно режиссером и актером слишком тяжело.

— Делите ли вы свои фильмы на коммерческие и некоммерческие?

— Приступая к работе над картиной, я не думаю о деньгах. Главное — выразить то, что тебя переполняет, а уж публика потом пускай решает, смотреть ленту или нет.

— Это нехарактерно для американского кинематографа...

— В американском кино я всегда чувствовал себя изгоем. Сегодня в США все подчинено статистике, всяким компьютерным выкладкам, кто что хочет смотреть, да еще где и когда, и это невольно вынуждает делать фильмы, ориентированные на определенный зрительский возраст, скажем, от 16 до 21. Это меня страшно тревожит. Почему, скажите, надо решать серьезные темы на детском уровне? Несмотря на то, что сейчас действительно трудно вытаскивать людей из дома в кинотеатр, надо по крайней ме-

ре ставить перед собой такую цель.

— Важно ли для вас европейское признание?

— Чрезвычайно. Хотя «Непрощенный» высоко оценили в США и даже стали поговаривать, что из меня еще может получиться режиссер, я прекрасно помню, что обязан признанием Европе. Впрочем, так было не со мной одним. В свое время один из моих любимых фильмов «Происшествие в излучине реки» Уильяма Уэллмана (1943 год) не понравился жене одного из боссов студии, и она настояла на том, чтобы картина была выпущена в прокат по второй категории. Во время показа во Франции критика высоко оценила ленту, и только после этого о ней заговорили в Америке, но к тому времени она уже сходилась там с экраном и о ней в конце концов забыли.

— Что для вас главное в картине?

— Прежде всего я сосредоточиваюсь на сюжете, ведь вокруг него, собственно, все и переплетается. Затем приступаю к разработке образов, стараюсь понять, какие эмоции должна вызывать картина, каким должен быть ее звуковой ряд. Помните в «Непрощенном» ураган, который становится как бы еще одним персонажем — это ключевой момент картины. Всех этих вещей не бывает в сценарии, они возникают в процессе работы.

— Создается впечатление, что вы уделяете большое значение свету, в том смысле, что с каждой сценой он все более тяготеет к мраку...

— Можно сказать, что «Непрощенный» — фильм о приближении бури... Надо помнить, что в те времена единственным источником искусственного света была керосиновая лампа. И если бы мы, снимая ночной эпизод, решили осветить как следует место действия, зритель бы нам просто не поверил.

— И все-таки, «Непрощенный» — это правда о Диком Западе или вымысел?

— Конечно, это фабула, в определенном смысле развешивающая устойчивые представления о Диком Западе, так как в ней есть элементы, чуждые классическому вестерну. Так, действие не всегда развивается «как в кино», пуля не обязательно попадает в цель, оружие может давать осечку... Не знаю, правда ли это о Диком Западе, но, несомненно, картина стремится к правде.

6.05.93

Клинт Иствуд